

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии**

Книга 57

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 57 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 342 с.

ISBN 978-5-458-04706-7

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04706-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Ренанъ и Ницше.

О звѣрѣ въ человѣкѣ.

ГЛАВА I.

Въ этой статьѣ я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу „переоцѣнки“ правилъ поведенія и попытокъ указать новые пути къ достиженію „новыхъ цѣлей жизни“, взаимнѣ „утраченныхъ“ человѣчествомъ“.

Эти пути и цѣли такъ же различны, какъ различны точки зрѣнія, по которымъ старыя оказываются утраченными. Въ оцѣнку послѣднихъ мы входить не будемъ; что же касается до новыхъ путей и цѣлей, то изъ нихъ мы остановимся лишь на тѣхъ, которые Ренанъ и Ницше пытались создать изъ біологическихъ воззрѣній, біологическаго матерьяла и метода.

„Біологія“, говорятъ намъ, „разбила сантиментальныя заблужденія идеалистовъ прошлаго времени, вѣрившихъ во всеобщее равновѣсіе, въ возможность общечеловѣческаго братства, въ возможность основать на „разумномъ“ принципѣ“ всѣ человѣческія учрежденія“. „Дарвинизмъ“,—увѣряютъ насъ,—„доказалъ неизбѣжность уничтоженія сильнымъ слабаго, необходимость эксплуатаціи однихъ существъ другими“. „Онъ узаконилъ страшное зло современной культуры, которое является слѣдствіемъ борьбы за существованіе, и которое именуется въ политической экономіи принципомъ раздѣленія труда“.

„Ученіе о наслѣдственности“, говорятъ намъ, „показало безсиліе учрежденій надъ злою волей человѣка и научно обосновало природное неравенство людей, реальность вышшихъ и низшихъ расъ“.

Наконецъ, отрицаніе свободы воли, съ того момента, какъ біологія выдвинула въ защиту этого принципа свои аргументы, получила силу обязательности, и человѣкъ явился не отвѣтственнымъ ни передъ собою, ни передъ ближними за то, что дѣлаетъ.

Во всѣхъ этихъ „выводахъ изъ ученія Дарвина“ много неправды, много ошибокъ, совершенно очевидныхъ; съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя не признать, однако, что слова Ницше: „опасность твоя не малая, свободомыслящій и странникъ: ты утратилъ цѣль, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ и дорогу“, оказались не столько грознымъ откровеніемъ, сколько простымъ констатированіемъ факта. А если такъ, если старые пути и цѣли только призраки прошлаго, то на мѣсто ихъ надо поставить новые: если Бога нѣтъ, говорилъ Вольтеръ, то надо его выдумать...

Такихъ боговъ теперь оказывается довольно много; здѣсь насъ занимаетъ только тотъ изъ нихъ, котораго человѣческая мысль пыталась создать изъ матерьяла, сокрушившаго старые кумиры. Эти новыя цѣли человѣчества, этотъ новый Богъ, по мнѣнію мыслителей, которыхъ мы будемъ имѣть въ виду, — „сверхъ-человѣкъ“, а пути и средства создать его лежатъ въ путяхъ природы, создавшей звѣря въ человѣкѣ.

Несмотря на вырожденіе человѣка, на его паденіе какъ типа, — Ницше возлагаетъ свои надежды въ предстоящей человѣчеству работѣ по пути къ созданію сверхъ-человѣка на уцѣлѣвшаго еще въ немъ, „къ счастью людей“, — звѣря. *Этотъ „звѣрь“, по его мнѣнію, почти помощенъ „человѣкомъ“, и задача будущаго освободить и возстановить его въ чело-вѣкъ-звѣрь.*

Другой типъ сверхъ-человѣка принадлежитъ Ренану, по мнѣнію котораго, однако, какъ разъ наоборотъ современный человѣкъ, несмотря на культуру, все еще остается

прежде всего *звѣремъ*, а уже потомъ (въ малой долѣ) *человѣкомъ*. Задача будущаго, по его мнѣнію, создать *сверхчеловѣка*, освободивъ *звѣря-человѣка* отъ звѣря и укрѣпивъ въ немъ зачатокъ *человѣка*.

Такимъ образомъ Ренанъ и Ницше—два мыслителя *вѣка*, на долю которыхъ выпало такъ много страстныхъ нападокъ и страстныхъ увлеченій,—хотя и признаютъ выходомъ изъ положенія, къ которому современный *человѣкъ* приведенъ смѣшеніемъ критеріевъ жизни и крушеніемъ еще недавно казавшихся твердынями познаній,—стремленіе къ созданію *сверхчеловѣка*, но исходный пунктъ предстоящей работы имъ кажется весьма различнымъ. Ницше жалѣетъ о томъ, что *человѣкъ* почти уничтожилъ въ себѣ *звѣря*, что онъ гораздо *большѣ* *человѣкъ*, чѣмъ *звѣрь*; тогда какъ Ренанъ, наоборотъ, сокрушается о томъ, что въ *человѣкѣ* гораздо *большѣ* *звѣря*, чѣмъ *человѣка*.

Ихъ взглядъ на предстоящую работу *человѣчества* представляется тѣмъ болѣе интереснымъ, что оба они пользуются въ всей аргументаціи біологическими данными, которыми такъ часто злоупотребляли и продолжаютъ злоупотреблять послѣ выхода въ свѣтъ знаменитой книги Дарвина „о происхожденіи видовъ“. Ницше едва ли не самый смѣлый въ постановкѣ *больныхъ* вопросовъ, *больного* времени писатель. Это писатель-философъ, писатель-поэтъ, говорящій языкомъ *страстнаго чувства* и не останавливающійся передъ стремленіемъ къ тому, что считаетъ истиной въ данный моментъ и потому, находясь подъ вліяніемъ то Шопенгауэра, то Ренана, выражаетъ ихъ идеи въ формѣ *наиболѣе рѣзкой*, а *нерѣдко* доведенной до послѣднихъ предѣловъ крайности. Въ то же время Ницше одинъ изъ числа *философовъ* *пессимизма*, подчиняющихъ этику біологіи; принципъ жизни становится для него принципомъ нравственности. Онъ увѣренъ, что *данныя біологіи* обязываютъ насъ признать: „добро“ силой, „зло“ слабостью, что намъ нужны: не довольство, а власть; не миръ, а война; не добродѣтель, а дѣло. („*Антихристъ*“). Силу эту, однако, должно искать не въ *наукѣ*,

ибо культура ума, называемая просвѣщеніемъ, даетъ только отрицательные результаты; не въ познаніи, ибо „познавшій самого себя—собственный палачъ“, говоритъ его Заратустра; а попытки основать культуру на знаніи оказались безплодными, и не въ искусствѣ; хотя подъ вліяніемъ Ренана онъ и писалъ одно время, что „бытіе и міръ имѣютъ вѣчное оправданіе только какъ эстетическое явленіе“. „Все хорошее, говоритъ онъ, инстинктивно и слѣдовательно легко, необходимо, свободно“. „*Лучшее въ насъ*“, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—*„быть можетъ, унаследовано отъ ощущеній прошлыхъ временъ*. Солнце уже зашло, но небо нашей жизни еще озарено имъ, хотя мы его не видимъ болѣе“.

Таковъ въ общихъ чертахъ Ницше. Сила, красота и разнообразіе его языка, опредѣленность формулъ философіи пессимизма, тѣсная связь съ различными направленіями работавшей на этой почвѣ мысли, стремленіе слѣдовать за добытыми біологіей выводами, наконецъ, самое отсутствіе цѣльности и системы въ его сочиненіяхъ различнаго времени,—все это вмѣстѣ дѣлало его горячую проповѣдь заманчивой, интересной.

Другой вопросъ: поскольку она убѣдительна? Ницше положилъ въ ея основаніе двоякаго рода данныя: *культурныя* и *біологическія*. Что касается первыхъ, то они сводятся къ подбору фактовъ, которые даютъ Ницше основаніе утверждать, что культура „ведетъ насъ къ племени карликовъ съ одинаковыми правилами и требованіями“. „Нѣтъ яда болѣе ядовитаго, говоритъ устами Ницше его герой Заратустра (Сумерки кумировъ),—чѣмъ ученіе о равенствѣ, ибо оно проповѣдуется какъ бы во имя самой справедливости, между тѣмъ какъ оно является *концомъ* справедливости. Равнымъ—равное, неравнымъ — неравное, таковъ долженъ быть истинный принципъ справедливости“. „Коммунистическій шаблонъ (Дюринга), утверждающій, что всякая воля должна считать равною всякую другую волю,—*враждебный* жизни принципъ“. „Демократическое движеніе не только не совершенная форма политической организаціи, но упадокъ, или вѣрнѣе,

приниженіе челоѣка. Оно превратило бы людей въ карликовъ съ одинаковыми правами и требованіями, а общественный строй въ „автономное стадо“.

И что всего печальнѣе, это совершенная безплодность такихъ жертвъ индивида, такъ какъ его права приносятся въ жертву какой-то фикціи, лжи, чему-то несуществующему на самомъ дѣлѣ. Нравственныя предписанія могли бы претендовать на обязательность, если бы существовала *общепризнанная высшая цѣль жизни*, изъ которой эти предписанія вытекали бы какъ логическія слѣдствія. Но такой цѣли не существуетъ. Идея о состраданіи, какъ началъ нравственности альтруизма, не выдерживаетъ критики, ибо состраданіе основано на чувствѣ эгоизма, а отнюдь не представляетъ *самозабвенія*, какъ это ошибочно утверждаетъ Шопенгауэръ. Нравственность альтруизма, основанная на симпатіи, состраданіи къ ближнему, на самоотрѣченіи, самопожертвованіи и подчиненіи своей личности интересамъ общества или челоѣчества, есть нравственность среды съ пониженной жизнеспособностью, нравственность того именно стада, къ которому Ницше питаетъ такое глубокое отвращеніе.

Что данныя культуры самымъ рѣшительнымъ образомъ расходятся съ нимъ, этого доказывать вновь не приходится, такъ какъ это уже много разъ было доказано съ достаточною убѣдительностью.

Что же касается до біологіи, то хотя Ницше и вѣряютъ въ особую заслугу его попытки ввести въ философію этотъ элементъ знанія, нельзя не сказать, что попытки эти представляютъ собою не больше, какъ рядъ ошибокъ и свидѣтельствуютъ только о крайнемъ диллетантизмѣ философа въ области этой науки.

/ Дарвинъ впервые высказалъ научно обоснованную мысль о томъ, что звѣрь въ челоѣкѣ есть, и что онъ составляетъ *рудиментъ* его отдаленной исторіи, съ которымъ вела ожесточенную войну его культура. Взглядъ этотъ скоро сдѣлался общественнымъ достояніемъ, и мы встрѣчаемъ его не

только у натуралистовъ, но и у такихъ писателей, каковы Мопассанъ, Золя; у насъ Чеховъ, Горькій.

Что этого звѣря въ человѣкѣ составляютъ его инстинкты, чуждые его разумной духовной природѣ, противъ этого едва ли можно возразить что-нибудь существенное.

Само собою разумѣется, что блестящая характеристика этого звѣря, которую даетъ Ницше, еще не можетъ служить основаніемъ считать его философомъ-біологомъ.

Этимъ основаніемъ служатъ „законы біологіи“, которые онъ включаетъ въ свою философскую аргументацію, и которые, по его мнѣнію, обязываютъ насъ къ дѣйствіямъ обезпечивающимъ человѣчеству народненіе сверхъ-человѣковъ.

Такимъ „закономъ“, какъ мы сказали выше, Ницше считаетъ тотъ, по которому *цѣль вида—переходъ его въ типъ высшаго порядка.*

Нужно ли доказывать, что такого „закона біологіи“ не существуетъ и что идея Ницше представляетъ собою частью повтореніе ошибки Ренана, полагавшаго, что *природа стремится къ созданію совершеннаго типа*, частью представляется самостоятельной, такъ какъ присоединяетъ къ сдѣланной ошибкѣ другую, навязывающую „виду“ несуществующія цѣли. Біологія не даетъ ни малѣйшаго права утверждать что-либо подобное.

Природа отнюдь не заботится исключительно о созиданіи *совершенныхъ типовъ*, принося имъ будто бы въ жертву типы менѣ совершенные. Она одинаково заботится или, вѣрнѣе, одинаково безразлична какъ къ генію, такъ и къ солитеру, который въ немъ можетъ паразитировать, предоставляя каждому устраиваться какъ могутъ въ условіяхъ жизни: устроились, приспособились,—прекрасно, цвѣтите и множьтесь по мѣрѣ силъ и возможности; нѣтъ,—идите на смарку.

Нужно ли доказывать поэтому, что біологія ничего не даетъ для основанія гипотезы Ницшевскаго сверхъ-человѣка.

Философъ, однако, исходя именно изъ сказаннаго „зако-

на“, строить свою систему міровоззрѣнія и приходить къ слѣдующимъ конечнымъ заключеніямъ.

Общество, по его мнѣнію, должно существовать не ради общества, но въ качествѣ почвы, на которой могъ бы развиваться сверхъ-человѣкъ.

Не бороться съ инстинктами приглашаетъ онъ въ интересахъ будущаго; а, напротивъ, развивать ихъ, ухаживать за ними, искать и растить ихъ должно человѣчество, если хочетъ достигнуть высшаго развитія.

„Жестокость, насиліе, рабство, опасности для жизни и духа,—все ужасное, деспотическое, хищное и змѣеподобное въ людяхъ, *такъ же* способствуетъ поднятію человѣческаго типа, какъ и противоположное“.

„Назадъ къ природѣ“, въ его устахъ равнозначуще — „вверхъ къ природѣ“, ибо до сихъ поръ только самыя сильныя и самыя злыя натуры вели человѣчество впередъ, снова воспламеняя засыпающія страсти.

Ради полноты развитія этой гениальной, могучей и прекрасной личности, масса обрекается на участь рабовъ и орудій, надъ которыми все дозволено до неумолимой жестокости включительно. Человѣкъ нашихъ дней долженъ быть неумолимъ и свободенъ отъ всякихъ цѣпей, ибо все, и самая нравственность, для него.

Новые идеалы жизни должны быть противоположны господствующимъ: не общество и его интересы должны быть руководителями и повелителями индивидуума, такъ какъ у человѣчества нѣтъ еще цѣли, которая опредѣлила бы смыслъ его существованія, а высшая личность должна быть хозяиномъ общества; личность должна царствовать безъ ограниченія свободы своимъ стремленіямъ, руководясь только страстями и желаніями. Высшею цѣлью индивидуума при этомъ, цѣлью, лежащей за предѣлами индивидуальности, будетъ возвышеніе человѣка до сверхъ-человѣка.

Согласно этому новому идеалу жизни и пути къ его достиженію должны быть новыми.

Этими путями призваны служить тѣ, которые дѣлаютъ

возможнымъ появленіе сверхъ-человѣка. Нужно „преслѣдовать и мучить людей, доводить ихъ до крайности, возбуждая однихъ противъ другихъ, народъ противъ народа, въ надеждѣ, что въ то время, когда воспламенится могучая энергія, зажженная страстями, тогда, быть можетъ, изъ отлетающей въ сторону искры вспыхнетъ свѣтъ генія“. Народится сверхъ-человѣкъ!

Безумная смѣлость, мстительность, хитрость, хищничество, властолюбіе, которые считаются опасными для цѣлей общества и государства, такъ же необходимы человечеству теперь, какъ были необходимы раньше.

Исторія цивилизациі поработила звѣря въ человѣкѣ, а онъ необходимъ для цѣлей, которыя ставитъ человечеству философъ, и человечество, къ счастью своему еще сохранило его въ себѣ. Ницше радуется, что люди, которыхъ такъ сдерживаютъ обычаи, почитаніе, благодарность, и еще болѣе—подглядываніе другъ за другомъ, взаимная ревность и подозрительность, и которые, съ другой стороны, въ отношеніяхъ другъ къ другу такъ изобрѣтательны въ самообладаніи, деликатности, вѣрности, гордости и дружбѣ, тѣ же самые люди, въ отношеніи къ тому, что для нихъ чужое, не лучше отпущенныхъ на свободу дикихъ звѣрей. Они наслаждаются свободой отъ всякаго общественнаго гнета, они считаютъ себя въ пустынѣ обезпеченными отъ напряженія, которое приносить съ собою долгая жизнь взаперти и приобщеніе къ общественности; они вновь обрѣтаютъ невинность хищныхъ звѣрей, какъ торжествующія чудовища.

Заключеніе это было бы дѣйствительнымъ, если бы вытекало изъ „законовъ біологіи“, а не изъ ошибки, которую Ницше, въ качествѣ закона, положилъ въ основу своей аргументаціи.

Исторія и жизнь свидѣлствуютъ намъ съ одинаковою убѣдительностью, какъ то, что въ *человѣкѣ* есть звѣрь, „который еще не укрощенъ культурою“, такъ и то, что культура эта направлена къ укрощенію звѣря въ человѣкѣ.

А если это такъ, если такое направленіе культуры не мѣшаетъ процвѣтанію вида, то, слѣдуя методу біологіи, мы должны признать за этимъ направленіемъ естественность и нормальность, ибо процвѣтаніе вида представляетъ лучший критерій нормальности условій его жизни.

Человѣкъ уже теперь—человѣкъ съ рудиментарнымъ звѣремъ; чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, ему предстоитъ только отдѣлаться отъ стараго наслѣдства. Выражая эту мысль языкомъ Ницше, какимъ онъ писалъ въ болѣе ранній періодъ своей жизни („Утренняя заря“), мы повторимъ вслѣдъ за нимъ, что довѣрять инстинктамъ и прислушиваться къ ихъ голосу, т.-е. инстинкту, „значить слушаться своего дѣда, своей бабушки и ихъ родителей болѣе, чѣмъ боговъ, скрытыхъ въ насъ самихъ, т.-е. собственного разума и опыта“.

Интересно, что Ренанъ, исходя изъ того же „закона“ біологіи, въ силу котораго природа будто бы стремится къ созданію совершеннаго типа, приходитъ къ идеѣ о сверхъ-человѣкѣ, обладающемъ качествами рѣзко отличными отъ тѣхъ, которыми своего сверхъ-человѣка надѣлилъ Ницше.

ГЛАВА II.

Въ то время какъ послѣдній считаетъ нужнымъ въ человѣкѣ-звѣрѣ прежде всегда убить человѣка, развивая звѣря, и такимъ образомъ получить сверхъ-человѣка Ницше,—Ренанъ считаетъ необходимымъ въ звѣрѣ-человѣкѣ убить звѣря, развивая *гений*, и, такимъ образомъ, получить *сверхъ-человѣка* Ренана.

Отсюда понятно, почему Ницше требуетъ „начинать исторію съизнова“: его идеалы „закатились“, и почему Ренанъ требуетъ развитія старой культуры, которая внесла въ звѣря элементы человѣка, и которая тѣмъ самымъ доказываетъ, что можетъ привести его и къ конечной цѣли прогресса.

Предположимъ, говорить Ренанъ, банкирскую фирму, су-

шествующую отъ вѣка. Если бы она имѣла малѣйшій недостатокъ въ своемъ основаніи, она бы лопнула. Если бы балансъ вселенной и человѣчества въ томъ числѣ, (ибо рѣчь идетъ собственно о немъ) не заключался съ прибылью въ пользу акціонеровъ, она давно прекратила бы свое существованіе. Изъ великаго оборота добра и зла получается прибыль, благопріятный остатокъ. Этотъ излишекъ и есть *raison d'être* міра (т.-е. человѣчества), основаніе для его (т.-е. его культуры) сохраненія“ ¹⁾.

Идея, вполне соотвѣтствующая тому заключенію, къ которому насъ привела біологическая справка по поводу цитируемаго Ницше „біологическаго закона“. Мы не имѣемъ поэтому ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ ея истинѣ и, отправляясь отъ нея, послѣдуемъ далѣе по пути соображеній Ренана, которыя привели философа къ его типу сверхъ-человѣка.

Типъ этотъ Ренанъ устанавливаетъ, какъ и Ницше, исходя изъ *данныхъ исторіи и біологіи*.

Данныя исторіи приводятъ его къ заключенію, что міровой процессъ есть процессъ разумнаго развитія, имѣющій опредѣленную, идеальную цѣль, и что исторія этого процесса есть стремленіе къ идеалу, предзаложенному въ самомъ ея основаніи.

Эта часть воззрѣнія, заимствованная у германскихъ метафизиковъ, представляется очень туманной и мало интересной, вслѣдствіе чего мы обходимъ ее молчаніемъ. Гораздо важнѣе та часть воззрѣнія на этотъ предметъ, изъ которой мы, за нѣкоторыми сокращеніями, можемъ получить слѣдующую доктрину.

Исторія человѣчества представляетъ несомнѣнный прогрессъ духа, разума и знанія, изъ чего, по мнѣнію Ренана, является необходимымъ допущеніе міровой воли, или міровой души, которая постепенно развивается въ формахъ мірового бытія, осуществляетъ въ нихъ свои цѣли и въ человѣкѣ пробуждается къ сознанію.

¹⁾ (Feuilles détachées p. 427).